

Ирина Савельева

ДУМАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ

Если в этом лесу кто-то и должен думать,
а когда я говорю «думать», я имею в виду
думать по-настоящему, то это наше с тобой дело.

А. А. Милн. Винни-Пух и все все все

В сентябре 2009 г. мы дописывали книгу о классике и придумали название: «Классическое наследие»¹. Тогда это показалось удачной находкой. Мы очень веселились, представляя, как будет выглядеть переплет: «Ирина Савельева, Андрей Полетаев “Классическое наследие”». Книга появилась в продаже в сентябре 2010 г., и для тех, кто знал Андрея, слово «наследие» приобрело не иронический, а прямой смысл. Нехорошее предчувствие, к тому же, слышится теперь в нем.

Но Андрей так много продумал и сказал о механизмах «возведения в классики», что никогда бы не согласился с таким названием в новых, недобрых обстоятельствах. Поэтому посмертный сборник его трудов я решила назвать «Неклассическое наследие».

Труды, вошедшие в этот сборник, отбирались из сотен научных работ, написанных Андреем Полетаевым. Но главное, что отличает состав этой книги от многих других, — это число представленных в ней научных дисциплин. В каждой знание, произведенное Андреем, было значимым. Я не хочу использовать более сильные эпитеты — они звучали и при его жизни, звучат и в кратких предисловиях к избранным работам. Эти предисловия — еще одно отличие данной книги. Я попросила коллег написать несколько слов, предваряющих каждый текст Андрея, ибо не всегда представители одних наук могут оценить, да и просто понять, что сделал Андрей в других областях. Среди откликнувшихся и написавших — Учитель, ученики, последователи, поклонники, друзья, коллеги. Экономисты, социологи, историки, науковеды. Это реакция на его тексты профессионалов, для которых он писал. Между нами шла даже своеобразная «борьба за наследие»; представителям разных наук и свидетелям разных периодов его жизни порой казалось, что именно их сегмент в сборнике «ущемлен». И успокаивала я их только словами о том, что это — не последняя книга трудов Андрея Полетаева. Я уверена, что их будет еще несколько, а может быть, и много.

Предельно коротко охарактеризовать Андрея Полетаева как ученого можно тремя словами: Теоретик, Профессионал, Эрудит. Без попытки сформулировать собственную концепцию проблемы, а в больших трудах и

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

теорию, работа над созданием текста не начиналась никогда. Думаю, не ошибусь, если скажу, что это относится даже к очень конкретным статистическим исследованиям, которые он регулярно выполнял для разных аналитических институций. Единая концепция лежит и в основе коллективных трудов ИГИТИ, почему они и являются в полном смысле коллективными *монографиями*. Одна из таких работ института, «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании»², делалась дольше других и на каком-то этапе забуксовала: статьи, написанные для нее известными учеными, были очень интересны, но вместе составляли не более чем сборник. Потратив немало времени, Андрей в итоге написал незапланированную главу «Классика в общественных науках», в которой предложил концепцию специфической роли классической литературы и классических авторов в современной социальной науке. После обсуждения с авторами текстов она и стала магистральной, многие статьи были переработаны, и сборник превратился в монографию.

Вы держите в руках первую книгу Андрея Полетаева, в которой нет и не могло быть сквозной концепции в этом смысле. В то же время она концептуальна, поскольку дает представление о диапазоне теоретических новаций Андрея Полетаева и о его стиле теоретизирования. Точно так же, по-моему, в главах и статьях по всем дисциплинам виден почерк настоящего ученого, глубоко знающего литературу и источники. Энциклопедическая образованность, которую многие отмечают в предисловиях, — результат постоянного труда. Достаточно часто ему приходилось изучать предмет практически с нуля, поднимаясь от учебников до «вершин» того или иного направления. Это относится и к социологии знания, и к семиотике, и к социальной антропологии, и к некоторым разделам психологии. И предпринимались все эти штудии не с целью получить общее представление, а чтобы дойти до самой сути. Он всегда пытался понять неочевидное: «как это устроено» (рассуждение, концепция, модель, система, дисциплина), и хорошо видел то, что он называл «дырки». Это относилось в равной мере и к работам именитых ученых (Томаса Куна, Хейдена Уайта, Пьера Бурдьё или Иммануэля Уоллерстайна), и к методикам опросов Гэллапа или Хэrrриса, и к методам сбора и презентации статистики наших аналитических центров. Свойственное ему системное мышление, критический анализ и ироническое отношение к текстам проявлялись и в рутинной работе: я никогда не встречала такого умелого редактора и безупречного библиографа.

Про одну нашу книгу Андрей, улыбаясь, говорил: «Мы пишем не для славы, а для вечности». Несмотря на иронический тон, обращение Андрея к понятиям «вечность» и «слава» не было случайным. Недаром нашу книгу «История и время» открывает гравюра Питера Брейгеля «Триумф времени»

---

² Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / И. М. Савельева, А. В. Полетаев (ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2009.

с аллегорической фигурой Славы, неподвластной всеразрушающему Хроносу. Вот и по мере составления книги «Неклассическое наследие. Андрей Полетаев», перечитывания статей и вступительных слов к ним, постоянно возникал вопрос: для чего она создается? Для чего, помимо понятной дани этике академической культуры воспоминания? Для славы? Для вечности? Для памяти? Для восполнения невосполнимого? Мне кажется, время этих причин еще не пришло. Эта книга пишется для продолжения научной дискуссии, точнее — многих дискуссий по разным проблемам.

Большие ученые служат ритуальными фигурами самоидентификации для корпорации. Знание о них объединяет нас в интеллектуальное сообщество. Я сознательно говорю не «память», а «знание», кстати, одно из любимых слов Андрея. Потому что, я уверена, — он долго будет оставаться «живым автором» (во всех четырех дисциплинах), участвующим в процессе производства современного знания, недаром в последних своих книгах он так много об этом писал. С ним можно продолжать спор, о чем свидетельствуют и многие предисловия к помещенным здесь работам.

Я признательна всем друзьям и коллегам, которые участвовали в подготовке этого издания. И конечно, неизменной остается моя (наша) благодарность тем людям, которые когда-то обсуждали с нами проблемы, поднятые в этой книге, и консультировали нас по вопросам, связанным с широким кругом гуманитарных и социальных дисциплин. Существенную помощь своими советами и замечаниями оказали нам В. С. Автономов, С. П. Баньковская, Т. Д. Венедиктова, О. В. Голова, Л. М. Григорьев, М. А. Бойцов, Б. В. Дубин, Г. И. Зверева, Г. Л. Кертман, Ю. А. Кимелев, Л. Л. Лисюткина-Бельцер, Н. А. Макашева, Н. Б. Маньковская, В. В. Писляков, Н. А. Проскурякова, В. П. Руднев, Р. М. Энтов и многие другие.

Е. А. Рязанцева с исключительным мастерством и вниманием редактировала эту книгу. Спасибо ей.

Особая благодарность — нашим друзьям и коллегам по Институту гуманитарных историко-теоретических исследований Высшей школы экономики. Старшему поколению — М. Л. Андрееву, А. Б. Каменскому, Л. П. Репиной, А. М. Руткевичу, А. Ф. Филиппову. И новому поколению — Е. А. Вишленковой, А. Н. Дмитриеву, Ю. В. Ивановой, И. М. Каспэ, Н. В. Самутиной, Б. Е. Степанову, П. В. Соколову, — обращаясь к которому не так давно, Андрей сказал: «ИГИТИ — это вы».

Но, как мы обычно писали в предисловиях к своим книгам, ответственность за недостатки, в том числе и ответственность за выбор статей, несу я одна.